

Экран и сцена. - 1996.
6-13 июня. - 4/6.

Как-то утром, прилетев из Новосибирска, где в то время работал, я заглянул в кафе "Националь" и в гардеробе столкнулся с Андреем Тарковским. Мы познакомились еще в 54-м, на консультации перед вступительными экзаменами во ВГИК: худощавый, резкий в движениях парень сидел рядом со мной, слушая вполуха инструктирующего педагога, и рисовал на листе бумаги кадры, со скошенным горизонтом, перечеркнутым наклонными сосенками. Чувствовал он себя в стенах ВГИКа гораздо свободнее, чем многие, поскольку поступал уже, второй раз, и набирающий курс мастер — М.И.Ромм — еще четыре года назад принял Андрея после того, как тот "глотит жизненного материала".

Сейчас, во время встречи в гардеробе "Националя", последовали вопросы: Как ты? А как ты?

Вопросы с его стороны не были праздным любопытством. Не раз в моем присутствии он пытался помочь, отозваться на человеческую и творческую заботу. Помнится, как через пару лет после этой встречи он уже в зените признания, подошел ко мне в старом Доме кино, что был на Воровского, вырвал из записной книжки листочек, записал телефон и протянул его мне:

— Звони в любой момент — приду на любой худсовет и буду поддерживать!

Каюсь. Я не воспользовался предложением — гордыня не позволила, — но помощь тогда ох как была нужна!

Предлагал помощь он и в других ситуациях. К столику в кафе, за которым сидели Тарковский, Вадим Юсов и еще один молодой человек — ныне очень известный режиссер — подошел мой приятель, студент операторского факультета ВГИК, и попросил меня обезопасить его выход из кафе: валютники и фарцовщики того, первого, призыва, имели какие-то претензии к девушке моего приятеля. Тарковский вскинулся:

— Почему ты собрался помогать один? Мы все пойдем, — решил он за присутствующих.

Если быть честным, нам с Андреем и Юсовым серьезно досталось во время битвы за честь девушки моего приятеля. Но свою задачу мы выполнили ценой сломанных носов, порванных штанов, солидных фингалов. Андрей не унимался — он заметил, что его приятель, не вступив в бой, ретировался к зданию Манежа, и кинулся к нему выяснять отношения.

— Ты трус! Ты подонок! Ты сбежал! — наседали на него, и мне пришлось приложить серьезные усилия, чтобы остановить его.

Но это было позже, а сейчас, к моменту нашей встречи в гардеробе Андрей только что получил сценарий Папавы по рассказу Богомолова "Иван" и говорил, что "может быть неплохой сценарий", если его — сценарий — заново придумать". Я же только что снял учебную работу для института длиной в 18 минут и искал материал для курсовой. Мы сели вместе за столик, заказали очень маленький графинчик коньяка и кофе — все, что мы могли себе позволить, даже при тогдашней дешевизне этих продуктов.

Через несколько мгновений после появления на нашем столе графинчика рядом возник, именно возник, другого слова не подберу, так как в этот утренний час в "Национале" было безлюдно, один из завсегдатаев кафе — Веня Рискинд. Тут же к нам на стол поставили третью рюмку.

— Веня, расскажи что-нибудь, — попросил его Тарковский, когда Рискинд "промочил горло". Я поддержал Анд-

рея: Веня был блестящим рассказчиком. Он пленял этим Бабеля, который возмечтал сделать из мальчика писателя. Но мальчику понравилось "бразничать" в литературной среде. Он уже давно перестал быть мальчиком, отвоевал, потерял в Отечественную войну всех родственников, а вот писать — не писал. Жил под Москвой на станции Ильинская, где его из милости приютила какая-то женщина, играл на аккордеоне на свадьбах, пел песни, ежедневно сиживал в "Национале" при замечательном писателе Юрии Олеше — авторе той самой "Зависти" и "Трех толстяков". Когда случалось ему быть в кафе одному, официантки подавали жареный картофель — излишки гарнира. Веня нечем было платить.

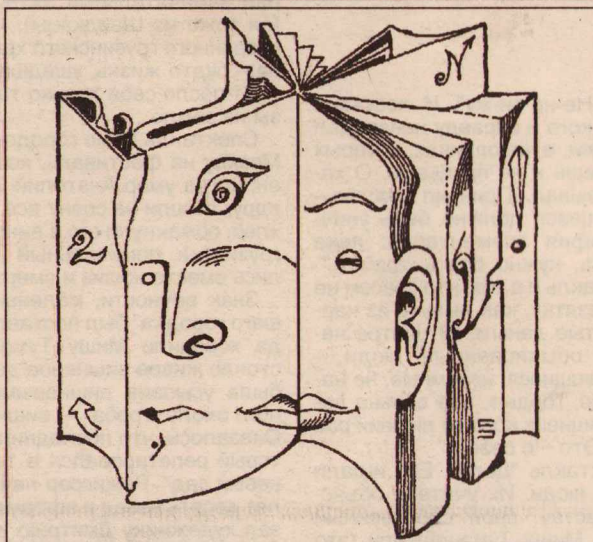
Но рассказчиком он был блестящим:

— Мы остановились в лесу под Прагой, — начал Веня, и пока он повествовал, мы не притрунулись ни к кофе, ни к коньяку.

Речь в Венином рассказе была о немолодом солдате, которого отрядили ездить на велосипеде за почтой в штаб части, и о десятилетней чешской одинокой девочке, полюбившей этого сугубо штатского, музыкального и ленивого русского солдата.

Сюжетный ход

Леонид МАРЯГИН

— И она крикнула "Вояк!" — патетически закончил Рискинд и опустошил рюмку.

Первым, как и полагается быть по темпераменту, очнулся Тарковский:

— Веня, запиши! Это я буду ставить!

Я попытался составить конкуренцию и попросил Рискинда отдать рассказ мне:

— На тебя, — возразил я Андрею, — в Москве работает весь Союз писателей, а на меня в Новосибирске — никто.

Но Веню мало интересовало, где будет поставлен его рассказ, его интересовало, кто раньше заплатит деньги. Выяснилось, что я на Новосибирском телевидении мог реализовать сценарий раньше, чем Тарковский на "Мосфиль-

ме".

Андрей пожелал мне успеха в этом начинании и мы с ним расстались.

На следующее утро я развернул принесенный Веней к порогу кафе рассказ, прочитал первую страничку и оцепенел. Написанное было невозможно показать кому-либо. Пугала безграмотность. Но главное было даже не в этом — исчезла привлекательность рассказа.

— Веня, — предложил я, забирая свою рукопись. По твоему устному рассказу я напишу под твоим же именем сценарий. Дай адрес, куда переводить деньги.

Рискинд не обиделся и продиктовал свой адрес на станции Ильинская.

В самолете я написал сценарий. А через месяц Веня перевел немалые по тому времени деньги. И началась работа над киноновеллой "Короткое затишье".

В антракте между съемками я прилетел в Москву и в "Национале" опять встретил Тарковского:

— Снимаешь Венин рассказ? — поинтересовался он, и я в ответ протянул несколько позитивных срезов с кадра, где была запечатлена юная героиня картины. Андрей внимательно, на просвет рассмотрел срезы и передал их сидевшему рядом оператору Вадиму Юсову со словами:

— Хорошее лицо. Злое.

Худое, слегка вытянутое лицо новосибирской школьницы Тани Иванчиковой, ее льняные волосы и тонкие губы, как мне кажется сейчас, напомнили облик Коли Бурляева, как мне кажется сейчас, напомнили облик Коли Бурляева в "Ивановом детстве". Но к тому времени фильм Тарковского не был закончен, и для меня был неясен смысл его оценки.

Когда моя короткометражка прошла по телевидению, я весьма гордо появился в любимом кафе, рассчитывая отметить премьеру с Рискиндом. Но не тут-то было. Веня встретил меня отборной бранью и выскочил из зала.

Завсегдатаи кафе объяснили мне причину этой, мягко говоря, нервозности.

Веня никогда не копейки не платил хозяйке дома за жилье. В ее глазах он был нищим — женщина жалела его и частенько подкармливала. Когда же ей в руки попал перевод на имя Рискинда, где значилась сумма с нулями — она ревизировала всю сумму. Без остатка. Как долг за квартиру. И стала подозревать Веню а "сокрытии доходов".

Давая мне адрес для перевода денег, Веня, очевидно, и не рассчитывал, что затея сколько-нибудь серьезна, но теперь, когда его жизнь у хозяйки стала невыносимой, обвинил в содеянном меня.

В том же Ильинском жил и родоначальник эмоционального сценария в нашем кино, давно уже бедствующий от безработицы Александр Ржешевский: автор пудовкинского "Простого случая", эйзенштейновского "Бежина луга", "26 комиссаров" Шенгеля. Естественно, что он узнал о Вениной трагедии первым.

И вот когда я уныло и одиноко сидел за столиком кафе, обруганный Рискиндом, на соседний стул плюхнулся Ржешевский, потребовал заказать ему чай с вареньем — самое дешевое блюдо в меню — и желчно спросил:

— Как ты мог? Ты знаком с самим Ржешевским и ставишь фильм по сценарию какого-то Рискинда! Ты понимаешь, что я написал бы намного лучше! И еще — прославил бы тебя!

Я оправдывался, будто меня уличили в краже, а Ржешевский допил чай и ушел, не попрощавшись.